

2204

Г. Марков: я родом из Сибири

К 70-летию со дня рождения

В порыве откровенности он ясно вспомнит тот день...

— Однажды отец меня послал со стана в деревню. Было раннее утро. Стоял март. Вокруг широкие заснеженные просторы. Лес оголился, так как шапки снега, лежавшие на сучьях, подтаяли и рухнули на землю. Небо высокое, ясное. Подхожу к своей деревне. Слышу: колодцы скрипят, пестушки горланят, доносится стукоток из овинов — хлеб молотят. И у меня такое рождается чувство, будто праздник вокруг, я начинаю что-то бормотать вполголоса, а потом пою громко и увлеченно. То ощущение полноты жизни, весь тот мир, полный света и солнца, вызвали во мне желание рассказать обо всем, что я чувствую, другим...

А действительно, признаемся: как и когда рождается писатель? Георгий Марков родился в потомственной охотничьей семье, в Сибири, в далекой таежной глуши. Первое крупное село он увидел только в семнадцать лет. С одиннадцати — охотничье ружье в руках и тяжелый труд промысловика.

Рос он в охотничьей среде, которая, как правило, оставляет впечатление на всю жизнь. Известно, что эта среда необычайно поэтическая, ведь труд охотника полон разнообразия, неожиданностей. К тому же каждый знает, какие охотники замечательные рассказчики, какие мастера живого слова. Но хватит ли только этого для писательства (любимое слово Константина Федина). Георгий Марков — не просто литератор, а видный писатель современности, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, первый секретарь правления Союза писателей СССР.

В канун своего семидесятилетия он скажет мне в Киеве:

— Литератора бы из меня не получилось, если бы не два потока жизненных впечатлений, легших в основу всей моей жизни. Первый поток — это среда, в которой я рос в детстве, и второй — среда, в которой я формировался в молодые годы. Да, эти два условия определяли меня, как человека, гражданина, как писателя.

Он вдруг замолчал и углубился в себя. Где он теперь в тех двадцатых годах в охотничьих временках или в прошлом лето, когда по давней традиции плыл по сибирским рекам?

— Вот вы мне сегодня напомнили о том, что я открыл немало молодых дарований, многим писателям помогал и помогаю, — начал он. — И спросили: какую черту характера я хотел бы прежде всего воспитать в каждом из литераторов — будь это Ананьев или директор кожевенного завода из Якутии Таурин. Вот что я вам отвечу: во-первых, многие

мастера литературы оказывают сейчас поддержку талантливой молодежи так же заинтересованно, как, скажем, в начале моей литературной судьбы это делали Бабель, Павленко, Макаренко, Фадеев. Как и они, я стараюсь пробудить в молодых прежде всего общественное горение, гражданскую страсть. Хотелось бы, чтобы каждый из них относился к своему народу как человек, которого все касается, чтобы видел свою деятельность как работу, важную и нужную прежде всего для Отечества и общества. Молодой писатель, естественно, видится мне человеком, который в совершенстве владеет профессией литератора. Чтобы писательство было тем делом, которому он отдает себя полностью, без остатка. Вот такие черты я стараюсь воспитывать у младших товарищей и у тех, кто по разным обстоятельствам пришел в литературу не в молодом возрасте.

Я твердо уверен: талант, прежде чем он обогатит собой жизнь, должен сам обогатиться жизнью, должен почувствовать ее свечение, если хотите, обещать ее.

Прищурившись, он внимательно смотрит мне прямо в глаза: так ли я понял?

— А теперь вернемся к предыдущему разговору. Я о том, что делает человека писателем. Да, услышанное у таежного костра образное слово, жизньazole мужественных людей, испытанных тайгой, с точным и верным глазом, готовых в любой миг выручить друг друга в беде, произвели на меня сильное впечатление — все это стало моей первой художественной школой. Однако недостаточно лишь наблюдать жизнь, вдыхать ее запах, любоваться ее колоритом и таким образом духовно обогащаться. Непременно должен наступить час, когда ты обязан вмешаться в жизнь своей среды, начать действовать, бороться. Для меня такой час пробил в 1924 году, когда я был подпаском и ни о каком писательстве, конечно, не думал...

Страстность, с которой Георгий Мокеевич Марков постоянно говорит об активной жизненной позиции писателя, его тесной и неразрывной связи с жизненной средой, понятна. Так было и на последних двух всесоюзных совещаниях молодых литераторов, на которых мне довелось побывать и где он потовски советовал нам, писательской молодежи: не порывайте со средой, взрастившей вас, наоборот — укрепляйте, расширяйте связи с ней, среда — это то, за что надо держаться всегда и крепко.

С тринадцати лет Г. Марков в комсомоле. Становится селькором газеты. Будни и праздники простого деревенского парня из таежной глубинки

стали весьма напряженными, как и у отца — председателя первой коммуны в губернии. Вскоре он уже секретарь комсомольской ячейки, затем — в райкоме, окружном комсомоле, по-прежнему не прекращая сотрудничать в газетах. И самообразование — книги, книги, книги...

При всей загруженности чтение было возведено в культ, стало страстью. Только первоисточники — Маркс, Энгельс,

Г. Марков

Ленин... Только целиком, а не отрывками — «Илиада», «Одиссея»...

Лишь после этого осмелился поступать в Томский университет. Но оттуда скоро был отозван крайкомом — в Новосибирск. Двадцатилетним редактировал журнал «Товарищ», затем возглавлял молодежную газету «Большевистская смена», в Омске стал первым редактором газеты «Молодой большевик».

— Ну, вот, если все эти впечатления, — с горячностью продолжает Г. М. Марков, — начиная с первых дней комсомола, изъять из моей биографии, что там останется? Только охотничий период. Он тоже важный для писателя.

Он прав — мало. Тут и рассуждать нечего: без такого активного вторжения в жизнь, без неутолимой любознательности ко всему сущему на земле, неисчерпаемой жажды, познания того, что открыто, извещено, опробовано другими, без желания сделать свои, пусть маленькие открытия — без всего этого не было бы ни «Строговых», ни «Сибири», ни «Соли земли», ни «Отца и сына». Да и писатель как таковой вряд ли бы состоялся, если Марков и дальше, созерцая и помалкивая. И повторяю — понятна взволнованность, с которой Георгий Мокеевич снова и снова напоминает: не отрывайтесь от жизни!

— Мы должны быть еще ближе к практическим делам

нашего народа, еще глубже войти в главные потоки народной жизни. Массовый героизм советских людей не может не увлечь, не вдохновить писателей, не может не подказать им и материал, и новые художественные решения.

И чуть позже:

— В двух неразделимых школах одновременно учится писатель, учится от первого до последнего дня своего бытия в литературе. Первая школа — жизнь, активное, трепетное участие в делах народа, полное гражданское мужество; вторая школа — сама литература, состоящая из твоих далеких и близких предшественников и твоих современников, твоих соратников по труду.

Об этой активной жизненной позиции, о силе писательского партийного слова он говорил, выступая на торжественном собрании, посвященном вручению Ленинской премии Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу за книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина»: «Секрет такого высочайшего воздействия печатного слова заключен в страстной коммунистической убежденности автора, в неотразимой силе его размышлений и доводов, в горячей личной причастности к изображаемому материалу».

И на VIII съезде писателей Украины Г. М. Марков много размышлял о проблемах связи писателя с жизнью, о выборе главного героя. Я внимательно слушал то выступление и записал в свой блокнот его слова: «Довольно стойко держится в последние годы такой взгляд, будто талант в полной мере раскрывается лишь на негативном материале. Выход, мол, на изображение цельных, сильных героев обязательно обернется схематизмом, снизит оригинальность, погасит индивидуальные свойства и черты дарования автора. Весь опыт советской литературы показывает, что истинную силу она набрала на изображении героизма нашей эпохи, на воссоздании образа человека — строителя нового мира».

Интересно: а какой конкретно положительный герой видится самому Маркову? Кто он? Какие черты характера автор хочет ему придать?

— Да, я пишу такого героя. В моем новом романе люди самых разных профессий, в основе — положительные герои. С первой частью романа «Грядущему веку» читатель уже познакомился недавно на страницах журнала «Знамя». Пишу вторую. Кто он, мой герой? Мне лично очень импонируют люди цельные, страстные, увлеченные, идейно и духовно красивые. Думаю, здесь

уместно ответить и на ваш предыдущий вопрос: что я ценю в своих друзьях, которых у меня много как в нашей стране, так и за рубежом. Прежде всего, люблю и ценю в своих друзьях честность, открытость, абсолютное бескорыстие. И, — как и у своих героев, — цельность, увлеченность, ясность. Всеми этими прекрасными человеческими качествами стараюсь сам заразиться от своих друзей и героев.

Высказываю Г. М. Маркову свое предположение, что вот и на этот, очередной съезд писателей Украины привели его не только служебные обязанности, но и привязанность, радость от встречи с друзьями.

— Да, вы правы. С Украиной меня, коренного сибиряка, сблизило раннее детство. Дело в том, что моя родная деревня Ново-Кусково была населена и русскими, и украинцами. С детства мое ухо ласкала русская речь таежников, украинская мова переселенцев, которые пришли туда на вольные земли, обосновались и сроднились с русскими. Все мы в деревне люди труда, одной судьбы, жили в дружбе, помогали друг другу в борьбе против нужды до революции, вместе, в одном строю шли в революцию, укрепляли Советскую власть. Да и позже — сперва по книгам, потом в личном общении — укреплялись братские, товарищеские связи с Украиной. Со старшим поколением — Тычиной, Рыльским, Корнейчуком, Смоличем. Всех читал, со всеми общался, беседовал. В этом общении сам многому научился у них. В тесном контакте с младшим поколением украинских поэтов и прозаиков я и ныне, делаю одно с ними дело. Стараюсь бывать на съездах писателей республики. Если мне память не изменяет, то это уже четвертый съезд, на котором я присутствовал. Таким образом, украинская литература растет на моих глазах. Радостно мне, что на Украине выросло, окрепло так много молодых талантов. Как писатель и товарищ украинских литераторов, связываю с их именами большие надежды.

— С высоты своего семидесятилетия, своего опыта, наверное, можете дать советы, пожелания молодым украинским коллегам?

— Хочется мне пожелать большей дерзновенности. Пусть они никогда не забывают прекрасной пример Шолохова, который взялся юношей за эпохальный материал, нашел в себе силы не отступить перед трудностями, преодолеть необычайные сложности и проявить свой талант в той степени, которая позволяет сейчас измерять его уже мировой меркой.

Это очень важное условие развития нашей литературы — дерзать! Федор ЗУБАНИЧ.